

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский горный университет»

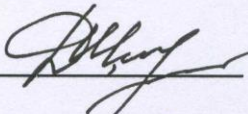

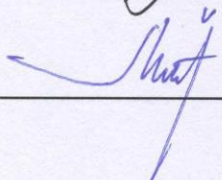
Кафедра философии

Реферат по дисциплине: «История и философия науки»

на тему: «История заимствований в современном русском языке»

Выполнил: асп. Колбасенкова А.Е.

Научный руководитель: проф. Шукина Д.А.

Проверил: проф. Микешин М.И.

Санкт-Петербург
2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Введение.....	3
2. Заимствования в русском языке в период IX – XVI вв.....	5
3. Заимствования в русском языке в конце XVII - XIX вв.....	8
4. Иноязычные заимствования в XX - XXI вв.....	11
5. Заключение.....	18
6. Литература	20

ВВЕДЕНИЕ

Процессы заимствования, интенсивной адаптации и активизации иноязычной лексики относятся к ряду основных динамических процессов, характеризующих развитие лексического состава русского литературного языка конца XX века.

Изучение иноязычной лексики и, шире, языкового заимствования имеет большую традицию как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Чисто лингвистические вопросы, связанные с этой областью, во многих работах рассматриваются в совокупности с проблемами культурных и социально-экономических контактов стран и народов, в связи с вопросами «чистоты» словаря. Начиная примерно со второй половины XVIII в., а точнее – со времени, когда в недрах Российской академии был задуман первый толковый «словесно-российский словарь», русские историки, филологи, общественные деятели, писатели, критики живо интересовались процессами вхождения в наш язык иностранной лексики и ее употреблением, высказывали свои соображения по поводу принятия или непринятия тех или иных слов [Крысин, 1968: 7].

Появление заимствований в языке – факт неизбежный, так как любая этническая общность, сколь развитой она бы ни была, не может полноценно существовать, тем более длительное время, в условиях культурноязыковой изоляции и соответственно полной языковой “стерильности” [Нещименко, 2002: 122].

Необходимость описания и изучения новых фактов заимствования в словарном составе русского языка давно осознана в отечественном языкознании и никогда не теряла своей актуальности. Иноязычные заимствования в составе лексики того или иного языка, степень их адаптации к системе языка-реципиента, их функционально-стилистический потенциал постоянно привлекают внимание лингвистов.

В.М.Шаклеиным русская национальная лингвокультура

представляется в виде неразрывной цепи лингвокультурных ситуаций, имеющих четкие временные границы и явные связи не только с предшествовавшими и последующими ситуациями, но и с ситуациями изначальными, представляющими собой некие лингвокультурные ядра и определяющими саму логику развития последовательной цепи лингвокультурных ситуаций. Лингвокультура развивается как совокупность субкультур, существующих как сложно устроенные ипостаси культуры общенациональной (см.: Шаклеин, 1997: 4-5).

Русский народ с древних времен вступал в культурные, торговые, военные, политические связи с другими государствами, что не могло не привести к языковым заимствованиям. В процессе употребления большая часть их подверглась влиянию заимствующего языка. Постепенно заимствованные слова, ассимилированные (от лат. *assimilare* - усваивать, уподоблять) заимствующим языком, входили в число слов общеупотребительных и уже не воспринимались как иноязычные. В разные эпохи в исконный язык (общеславянский, восточнославянский, собственно русский) проникали слова из других языков. В настоящее время такие слова, как *сахар, свекла, баня* и другие, считаются русскими, хотя они были заимствованы из греческого языка. Вполне обрусели и такие слова, как *школа* (из латинского языка через польский), *карандаш* (из тюркских языков), *костюм* (из французского языка) и мн. др. Национальная самобытность русского языка ничуть не пострадала от проникновения в него слов иноязычных, так как заимствование - вполне закономерный путь обогащения любого языка. Русский язык сохранил свою полную самостоятельность и лишь обогатился за счет заимствованных слов.

I. Заимствования в русском языке в период IX – XVI вв.

Уже в раннюю эпоху существования древнерусского языка (XI — XIV вв.) он заимствовал слова из финского (финны были и остаются нашими соседями на севере): *килька, сёмга, навага, салака, тундра, пурга, нарты, рига* и др., из скандинавских языков: *крюк, ларь, кнут, кипа, сельдь* и др., из тюркских языков (главным образом из татарского): *башлык, башмак, тулуп, сундук, лошадь, табун, аркан, амбар, сарай, сарафан, армяк, кафтан, караул, каланча, казна, богатырь, карандаш* и др.

Некоторое число слов вошло в древнерусский язык из древнегреческого: *корабль, парус, тетрадь, кукла, кровать, школа, фонарь, свёкла, скамья* и др.; многие из грецизмов попали к нам через посредство старославянского языка — это в основном лексика религиозного, церковного круга употребления: *епископ, дьякон, ангел, ад, евангелие, амвон, аналой, икона, монах, патриарх* и др.

Среди слов, заимствованных русским языком из других, особенно значителен пласт старославянизмов — слов, которые вошли в древнерусский язык из родственного старославянского языка. Старославянский язык был языком богослужения и церковных книг; он стал первым литературным языком славян. '

Старославянский язык оказал заметное влияние на русский язык на ранних стадиях его формирования, главным образом в области отвлеченной лексики. Проникая в древнерусский язык, элементы старославянской лексики сохраняли некоторые из фонетических и морфологических черт, отличающих старославянизмы от исконно русских слов.

1. Фонетические признаки старославянизмов:

а) неполногласные сочетания *ра, ла, ре, ле* в корне или приставке при исконно русских сочетаниях полногласных *оро, оло, ере*, например: *град — город, страна — сторона, хладный — холодный, преступить*

- *переступить, плен — полон* и др.; б) сочетания *ра, ла* в начале слова (им соответствуют исконно русские сочетания *ро, ло*): *равный — ровный, разница — розница* (ср. современное выражение *оптом и в розницу*), *ладья — лодка*;
- в) сочетание *жд* (в соответствии с исконно русским *ж*): *рождать — рожать, чуждый — чужой, одежда — ныне просторечно-диалектное одёжа, надежда — надёжа*;
- г) согласный звук [Ш'] , обозначаемый на письме буквой *щ* (в соответствии с исконно русским звуком [ч']): *освещение — свеча, горящий — горячий, мощь — мочь* (ср. выражение *во всю мочь*);
- д) начальное *е* (при исконно русском *о*): *единый, единица, единственный — один, есень — осень* (ср. фамилию *Есенин*, которая образована от старославянского по происхождению корня), *елень — олень, езеро — озеро*;
- е) начальное *а* (при соответствии этому исконно русского *я*): *аз — я* (из более древнего *язь*), *агнец — ягнёнок*;
- ж) начальное *ю* (при исконно русском *у*): *юноша, юный, юг, юродивый* (ср. русское *урод*).

2. М о р ф о л о г и ч е с к и е признаки старославянских слов (эти признаки могли позднее встречаться и в русских словах, созданных по образцу старославянских):

- а) суффиксы существительных *-тель* (со значением лица): *воспитатель, учитель; -ств(о), -стви(е): свойство, спокойствие; -ость: смелость, юность; -ни(е), -ти(е): затмение, взятие*;
- б) суффиксы превосходной степени имен прилагательных *-ейш(ий), -айш(ий): добрейший, нижайший*;
- в) суффиксы причастий *-ащ(ий), -ящ(ий), -ущ(ий), -ющ(ий), -енн(ый), -анн(ый), -ем(ый), -им(ый): дрожащий, горящий, могущий, страдающий, отверженный, созданный, совершаемый, томимый*;
- г) приставки *воз-* (*вое-*), *пре-*, *чрез-*, *из-* (*ис-*), *низ-* (*нис-*): *возвещать, воспрещать, претворять, чрезвычайный, изгнать, исчезать, низвергнуть, ниспослать*.

Следует иметь в виду, что многие морфологические элементы, заимствованные русским языком в составе старославянизмов, стали продуктивными словообразовательными морфемами в русском языке: с их помощью было создано (и создается сейчас) много слов собственно русских. Поэтому неверно было бы во всяком слове, содержащем какой-либо из перечисленных выше морфологических элементов, видеть старославянизм.

Старославянские по происхождению и исконно русские слова могут образовывать пары слов, близких или сходных по значению: *врата* — *ворота*, *стражду* — *страдаю*, *краткий* — *короткий*, *хлад* — *холод*, *между* — *меж*, *изгнать* — *выгнать* и т. п. При этом в большинстве случаев старославянизмы являются словами более книжными по стилистической окраске и абстрактными по значению в сравнении с соотносительными русскими словами; ср.: *храм* — *хоромы*, *здравый (смысл)* — *здоровый (человек)*, *хранить (тайну)* — *хоронить (покойника)* и т. п.

Многие старославянизмы утратили книжную стилистическую окраску, стали словами общеупотребительными: *время*, *враг*, *сладкий*, *вред*, *среда*, *нужда*, *здравствуй*, *праздник*, *храбрый* и др. Те же старославянизмы, которые ныне устарели, будучи вытеснены из употребления соответствующими исконно русскими словами (*хлад*, *брег*, *врата*, *здравие*, *град*, *вотще* 'напрасно' и т. п.), могут использоваться в современных текстах для придания речи высокой стилистической тональности (например, в поэзии) или для создания комического эффекта. Кроме того, они сохраняются в качестве морфем, с помощью которых образуются новые слова; ср. слова типа *хлагокомбинат*, *здравница*, *здравотдел*, *градостроитель* и под.

Первые известные нам заимствования относятся к общеславянскому периоду: *блюдо* — от готского *binds* — 'стол'; *скот* — от готского *skatts* — 'деньги'. К более поздним заимствованиям из древнегерманских языков (готского, древневерхненемецкого) считаются также *князь* (от *kuning* — род); *король* (из *Karl* — имени Карла Великого); *царь* — (из *kaisar*) и т. д.

II Заимствования в русском языке в конце XVII - XIX вв.

В старорусский период (XIV–XV вв.) складываются основы языка русской народности, в XVI–XVII вв. формируется фонд национальной общерусской лексики, который выразился в том, что целый ряд новых явлений в языке, возникших на русской почве в разное время, получил до начала XVIII столетия широкое распространение в пределах Московского государства, точнее говоря, русской национальной территории.

Если сравнивать процесс лексического заимствования в русском языке конца XIX—XX в. с тем же процессом в XVIII в. и в более ранние периоды, обращает на себя внимание ряд различий, и прежде всего в путях заимствования, в источниках (вернее, в жанрово-стилистических «посредниках») заимствования и в типах заимствованных слов.

Для русского языка приблизительно до конца XVIII в. был характерен путь устного (в XVIII — начале XIX в. наряду с постепенно начинающим преобладать письменным путем) заимствования иноязычной лексики, а также заимствования через частную переписку и художественную литературу. В «новое время» иноязычная лексика проникает почти исключительно путем письменным — главным образом, через такие сферы, как газета и научные стили речи.

Конец XVII в. (т.н. Петровская эпоха) и XVIII в. известны большим количеством новых слов, введенных в русский язык. С одной стороны, это заимствования, с другой — возникновение значительного количества новых слов на базе русской системы словообразования. В XVIII в. новые слова появляются на основе более широкой словопроизводственной базы, чем в предшествующий период. В этот период было меньше факторов, как структурных, так и семантических, которые до и после него препятствовали словообразованию.

Существенная проблема развития словарного состава русского литературного языка второй половины XVIII - начала XIX вв. - освоение

заимствованных слов, поскольку весь XVIII век - эпоха непрекращающихся и интенсивных языковых контактов. Многие уже ассимилированные заимствования относятся к Петровской эпохе, в том числе и заимствования из французского языка, но тесной культурно-экономической связи России и Франции можно говорить лишь в 40-80-е гг. В этот период большинство читающей публики владело иностранными языками, придворные офицеры, служащие государственного аппарата, журналисты, писатели говорили по-французски, законодательницей мод стала Франция, преобладают переводы с французского языка (в 90-ые гг. их 55 %, то есть больше половины всех переводов). Все упомянутое обусловило вхождение в русский язык французских слов.

Во второй половине XVII в. словарный запас русского языка пополнился следующими галлицизмами: авансцена, альбом, афиша, баллада, баллон, бильярд, бинокль, бланк, букет, вальс, демагог, деталь, дублер, жилет, идеал, интерес, кокетка, контраст, костюм, ликер, материализм, паркет, партнер, пейзаж, суфлер, сюжет, тост, тротуар, туалет, факт, флакон, шаль, эгоист, эстетика и др.

Продолжались заимствования и из других языков - немецкого: абонировать, анализ, бинт, клавиатура, комбинация, официант и др., итальянского: адажио, аккомпанемент, анданте, аккорд, браво и др., латинского: антагонист, декламация, декламировать и др.

Большинство слов иноязычного происхождения было адаптировано русским языком, поскольку в основном заимствовалась лексика литературы и искусства, научная терминология, слова, называющие новые предметы дворянского быта.

XIX в. – это век формирования норм современного русского литературного языка, оформления его стилей. XIX в. – золотой век русской классической литературы – характеризуется особой ролью в развитии словарного состава русского языка художественных произведений, становлением правил использования слова для усиления изобразительно-

выразительной силы текста. В этот период времени упорядочиваются заимствования. Они подвергаются не только фонетико-грамматическому, но и семантическому освоению. «Словарь В. Даля приводит более 750 заимствованных слов и их производных, возникших в употреблении в 1820–1850 гг.: *бюрократия, индустрия, инициатива, популярный, претензия* и т. д.».

Иноязычные заимствования в XX - XXI вв

Как известно, в конце XIX — начале XX в. русский язык пополнился большим числом новых иноязычных слов, относившихся преимущественно к общественно-политической и социально-экономической терминологиям. Это было в значительной степени связано с развитием в России капитализма, а вместе с ним — революционного движения, с проникновением с Запада различных политических и социально-экономических теорий и учений, усвоение которых передовой русской интеллигенцией и наиболее сознательной частью рабочего класса не могло обходиться без использования иноязычных терминов.

В массе своей новые иноязычные слова оставались в социально и стилистически ограниченных сферах употребления — например, в среде марксистов, в речи людей, примыкавших к тем или иным политическим кружкам и направлениям. Однако в начале XX в. и особенно во время и после буржуазно-демократической революции 1905 г. многие иноязычные социально-политические и экономические термины начинают входить в общее употребление — через такие жанры речи, как газета и ораторское выступление.

К середине 10-х гг. процесс активного проникновения в русский язык иноязычной лексики заметно ослабевает. Война 1914—1918 гг. сыграла определенную роль в ослаблении этого процесса⁷

«...В период 1914—1922 гг. роль заимствований значительно иная, чем в эпоху 1905 г., — писал С. О. Карцевский. — Политический словарь уже сложился... новых заимствований сделано немного, и относятся они большей частью к политическим вопросам, связанным с войною» [Карцевский 1923: 39].

В конце 10-х — первой половине 20-х гг., таким образом, происходит освоение иноязычных слов, заимствованных в непосредственно предшествующие годы, в различных жанрах литературной и нелитературной речи. Октябрьская революция, пробудившая к политической и общественной

деятельности широкие народные массы, сыграла огромную роль, с одной стороны, в демократизации русского литературного языка, а с другой — в приобщении рабочих и крестьянских масс к литературному языку, в овладении ими средствами литературного языка и прежде всего его словарем.

Как уже было сказано, во второй половине 10-х — начале 20-х гг. происходило освоение старых иноязычных заимствований народными массами, приобщавшимися к литературному языку. Тот процесс вхождения в употребление новой иноязычной политической терминологии (после 1905 г.) теперь значительно активизировался; расширился и состав слов, осваиваемых широкими массами говорящих, и сфера употребления этих слов. В повсюдное употребление проникают слова: *демонстрация, манифестация, революция, революционер, контрреволюционер, агитация, митинг, мандат, резолюция, депутат, делегат, республика, автономия, федерация, аннексия, контрибуция, коалиция, сепаратный, конференция, империализм, милитаризм, национализм, интернационализм, коммуна, капитализм, социализм, комитет, эксплуатация, демократия, буржуазия, пролетариат, буржуй, пролетарий, милиция, комиссар, организация, дезертир, бойкот, саботаж, ордер, купон, талон, категория* и т. д. и т. д.

Наиболее ходовые заимствования в предреволюционный период, ставшие особенно употребительными после революции 1917г. — *аграрный, активный, бойкот, анархизм, анархист, буржуазия, бюрократия, демократия, демонстрация, директивы, дискуссия, интернационал, кампания, кворум, коллектив, комитет (партийный), конференция, кооперация, кооператор, курия, лозунг, социализм, социалист-революционер, террор, фракция, центр и периферия* ⁸ (партийные), *итрейкбрехер* (проникло через "Бунд" из немецкого рабочего жаргона), *экспроприация, эмигрант* и т. д.

Приблизительно со второй половины 20-х гг. намечается постепенная стабилизация норм русского литературного языка, в том числе и

лексических²⁶. В связи с этим вариативность как характерная черта, свойственная употреблению иноязычной лексики в первое десятилетие после революции, утрачивает свою актуальность: дублетность русского и иноязычного слов устраняется путем их семантической и стилистической дифференциации, формальные варианты одного слова унифицируются и т. д.

В дублетных парах «старое — новое заимствования» и «русское — иноязычное слова» происходит процесс вытеснения одним словом другого, а также намечается семантическое размежевание внутри некоторых пар. Так, к началу 30-х гг. выходят из употребления слова *радиотелеграф*, *таксомотор* (вытесненные формами *радио* и *такси*). Слово *кинематограф* приобретает более узкий смысл, чем *кино*, и начинает употребляться исключительно в значении 'вид искусства'.

Была заимствована конкретная лексика: названия всевозможных машин, механизмов, приспособлений, а также слова, обозначающие новые способы в производстве чего-либо, усовершенствования и т. п. Численность рассматриваемых заимствованных слов сравнительно невелика. Однако в процессе иноязычного заимствования в 20—60-е гг. рассматриваемый отрезок времени (конец 20-х — 30-е гг.) занимает заметное место, так как именно в этот период русский язык пополнился техническими и — в меньшей степени — спортивными и бытовыми терминами, которые затем укрепились в языке, а многие из них стали общеупотребительными. Ср., например, такие слова (в разной степени распространенные в речи 30-х гг.), как *глицсер*, *детектор*, *зуммер*, *комбайн*, *конвертер*, *контейнер*, *лейка* (фотоаппарат), *нейтрон*, *пандус* и др.

Многие из этих слов (в особенности технические и научные термины) в настоящее время являются интернациональными. Однако, поскольку известны источник и время их появления в русском языке, целесообразно рассматривать эти слова как заимствованные из живых языков, а не как «не имеющие родины» интернационализмы.

В 1940-1950-ые гг. довольно четко не только в историческом, но и в языковом плане (см. об этом ниже) выделяются годы Великой Отечественной войны. Это, казалось бы, должно заставить рассматривать 40-е — начало 50-х гг. не как один, а как два различных периода. Однако, как показывает анализ имеющегося материала, военные и послевоенные годы характеризуются общей тенденцией — отрицательным отношением общества ко всему иностранному и, в частности, к иноязычной лексике. Это неязыковое обстоятельство представляется чрезвычайно существенным для выяснения причин, которые повлияли на заметное ослабление процесса лексического заимствования в 40-е — начале 50-х гг. (по сравнению с предшествующим периодом).

Следствия указанной тенденции были разными в речи военных лет и в речи послевоенного времени: в первом случае наблюдается активное использование немецкой лексики как (в большинстве случаев) слов-экзотизмов и иноязычных вкраплений с резко сниженной, отрицательной экспрессивной и стилистической окраской; во втором случае — не только почти полное неприятие новых заимствований общелитературным языком и некоторыми техническими терминологиями, но и стремление заменить уже устоявшиеся и употребительные иноязычные слова их русскими эквивалентами (иногда специально для этой цели изобретаемыми). Послевоенные годы, в особенности конец 40-х — начало 50-х, представляют собой период, являющийся редким примером активного воздействия общества на словарь языка, на принятие или главным образом неприятие тех или иных иноязычных слов. Процесс заимствования новой иноязычной лексики в это время выражен чрезвычайно слабо; этому способствует социальная тенденция к локализации употребления иноязычной терминологии, к устранению ее не только из общего употребления, но и из специальных сфер. Эта тенденция может быть понята в связи с общей идейной и идеологической борьбой в конце 40-х — начале 50-х гг. «против космополитизма», против «иностранщины».

Известные перемены, произошедшие в советском государстве и обществе в первой половине 50-х гг., имели не только внутривнутриполитический, но и широкий международный резонанс. Это выразилось, в частности, в некотором изменении отношений со многими странами капиталистического мира, в налаживании более прочных экономических и культурных связей со странами демократического лагеря.

Процесс заимствования иноязычной лексики русским языком второй половины 50-х — начала 60-х гг. характеризуется расширением тематического и семантического круга заимствуемой лексики.

В 1990-ые годы и в начале XXI в. получили большое распространение заимствования, преимущественно из английского языка (процесс англизации). Значительная часть слов, обозначавшая в доперестроечный период явления только нерусской действительности, теперь широко вошла в нашу жизнь: *мэр, муниципалитет, офис, спикер, парламент, президент, ракет, абсентеизм* и мн. др. Этот процесс уже отмечается толковыми словарями: *мэр* – 'глава муниципалитета, муниципального управления в некоторых зарубежных странах' –

Актуализация экзотизмов примыкает к англизации русского языка, т. к. определяется общей ориентацией социума на Запад, в какой-то мере она противостоит актуализации историзмов. Так, необъяснимо, почему используется сейчас в русском языке слово *мэр*, а не *городничий* или *бургомистр* (*городничий* – 'в России до середины XIX в. начальник уездного города'; *бургомистр* – 'в некоторых европейских странах и в России в XVIII–XIX вв. глава городского управления' – МАС). Иногда изменения в значении таких слов (с ограничением в использовании типа «в капиталистических странах», «за рубежом» и т. п.) рассматриваются как устранение недостатка в работе лексикографов советского периода, определяемого излишней политизацией толковых словарей. С этим не всегда можно согласиться, т. к. значительная часть таких слов действительно не употреблялась в тот период по отношению к русской действительности, а частотность подобных

ограничений объективно отражала наличие «железного занавеса». Таким образом, изменения в значении этих слов представляют процесс актуализации экзотизмов, который по значимости не уступает процессу актуализации историзмов. С внедрением экзотизмов тесно связана «англизация» русского языка. В текстах, устной речи используется большое количество английских слов, обозначающих как новые для общества явления (*менеджер, свингер, армреслинг*), так и дублиеты русской лексики (*тинейджер* – 'подросток', *прессинг* – 'давление', *консенсус* – 'соглашение', *шоу* – 'представление'). Англизация – не собственно русское явление, все европейские языки ей подвергаются в той или иной мере, что связано с американизацией европейской массовой культуры. В какой-то степени это, вероятно, и своеобразная реакция социума на вхождение страны в мировое сообщество после длительного «затворничества».

При изучении иноязычного влияния на русский язык теме «кальки» и процессам калькирования традиционно уделяется меньшее внимание, чем лексическим заимствованиям. Этому есть по крайней мере два объяснения: во-первых, калек в языке (не только современном, но и, например, русском языке XIX века) несравнимо меньше, чем заимствований. Во-вторых, кальки трудно выявить: неясны критерии, по которым то или иное слово или словосочетание следует признать результатом иноязычного влияния, а не продуктом процессов, происходящих в русском языке в соответствии с его собственными закономерностями развития.

Например, часто обсуждаемый сейчас в русистике жаргонизм *крутой*, *круто* {*крутой парень, это круто!*) обычно квалифицируется как калька английских *cool* или *tough* (см., Но что мешает нам считать это значение слов *крутой, круто* результатом саморазвития их семантики? Ср. сочетания типа *крутые меры, крутой характер* и т. п.: от того значения слова *крутой*, которое реализуется в подобных сочетаниях (оно формулируется в [СОШ-1997] как 'суровый, строгий'), — один и вполне органичный шаг к значению, которое в этом же словаре толкуется — впрочем, не совсем точно — как

'решительный и быстрый, а также вообще оставляющий сильное впечатление'. Выражение *зеленый свет* в контекстах типа *дать зеленый свет каким-либо начинаниям, новшествам* в точности соответствует переносному значению английского оборота *green light*. Стало быть, это калька? Но вполне возможно, что это—перенос значения «внутри» русского языка: от прямого, «автodoroжного» значения словосочетания *зеленый свет* — к переносному.

Разумеется, точных критериев для решения вопроса о первоисточнике не существует, и отделить интернационализм от англицизма не всегда легко. Во многих случаях на помощь приходит или контекст, или внеязыковая действительность: если спорное выражение употребляется журналистом, находящимся в англоязычной среде или пользующимся англоязычными источниками (например, сообщениями агентства Рейтер), то вероятность английского заимствования выше, чем в случае употребления такого выражения в сугубо русском контексте

Однако во многих случаях, как кажется, кальки всё же поддаются идентификации — как по чисто лингвистическим, так и по экстралингвистическим основаниям. Тем самым задача выявления и изучения калькированных языковых единиц остается не только актуальной, но и вполне решаемой.

Если сравнивать современный этап развития русского языка с предшествующими этапами, то надо отметить различие в типах калек. В XIX — начале XX вв. преобладали кальки словообразовательные—типа: *сверх-человек* (нем. *Uber-mensch*), *себе-стоимость* (нем. *Selbst-kosten*), *скор-о-сшиватель* (нем. *Schnell-hefter*), *работ-о-датель* (нем. *Arbeits-geber*), *неб-о-скреб* (англ. *skyscraper*) и т. п., основным их источником был немецкий язык. Отмечены также сравнительно немногочисленные семантические кальки типа *гвоздь* (в сочетаниях *гвоздь выставки, гвоздь театрального сезона* и под. — под влиянием французского *clou*), *платформа* 'программа, совокупность принципов политической партии' — под влиянием нем.

Plathform в том же значении, и нек. др.

В русском языке наших дней преобладают кальки семантические и сочета-емостные, а главным их источником является английский язык (преимущественно в его американском варианте). При этом основными сферами появления калек являются сферы дипломатии, политики, спорта, моды, а распространяют их, внедряют в широкое употребление средства массовой информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе в первой главе мы рассмотрели историю заимствования. Из изложенного материала в данной главе видно, что многие иностранные слова, заимствованные русским языком в далеком прошлом. Была рассмотрено заимствование в древне русском языке, заимствования при Петре I, заимствования в XVIII—XIX веках, заимствования в XX—XXI веках.

Процесс образования новых слов происходит постоянно, но в отдельные периоды он может быть особенно интенсивным. Современную языковую ситуацию характеризует «информационно-номинативный взрыв», вызванный ростом научно-технического прогресса, ставшего неотъемлемой частью жизни общества. С каждым годом появляется все больше и больше технических новшеств, в связи с быстрым проникновением компьютерных и производственных технологий во все сферы жизнедеятельности человека, соответственно ускорился и лингвистический процесс номинации в этой области. В связи с этим обращение к исследованию лексики техно сферы является особо актуальным в наше время, т. к. именно в этой сфере человеческой деятельности с каждым годом появляется большое количество новых понятий и терминов, требующих номинации.

Изменения словарного состава русского языка, несомненно, должны быть признаны как развитие. Если в морфологии русского языка (как в других индоевропейских) мы видим свертывание, исчезновение многообразия структуры, то словарный состав языка неизменно растет и структурная его организация усложняется. [Самотик, 2002].

ЛИТЕРАТУРА

1. Брейтер, М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. Пособие для иностранных студентов-русистов / М. А. Брейтер. – Владивосток : Диалог, 1995.
2. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
3. 1.Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – Москва : Просвещение, 1968. – 7-53 с.
4. 2.Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современной жизни. Русский язык конца XX столетия / Л. П. Крысин. – Москва : Просвещение, 1996. – 58 с.
5. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое : исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 884 с.
6. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. Учебное пособие. — М.: Просвещение, 1992. — 303 с.
7. Нецименко, Г. П. Заимствования как проявление культурно-языковых контактов и их функционирование в языке-реципиенте / Г. П. Нецименко // Встречи этнических культур в зеркале языка. – Москва : Наука, 2002 – С. 121–151.
8. Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л.: Наука, 1976. С. 38
9. Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Ермакова О.П., Какорина Е.В., Крысин Л.П. и др.; Отв. ред. Земская Е.А. М.: Школа "Языки русской культуры", 1996.
- 10.Самотик Л.Г.Лексика современного русского языка [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Л.Г. Самотик. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2012. – 510 с.

11. Сологуб, О. П. Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке / О. П. Сологуб // Материалы третьей научной конференции. – Новосибирск, 2002. - С. 130-134
12. Шаклеин, В.М. Лингвокультурная ситуация: структура и вопросы исторической реконструкции: Автореф. дис. ... док. филол. наук / Российский университет дружбы народов. М., 1997.
13. Л. В. Щерба Избранные работы по русскому языку, Аспект пресс, 2007